



РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Н.Ф. Алефиренко

*Белгородский государственный университет
г. Белгород, Россия*

ЛИНГВО-КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА

Во второй половине XX века в ряду новых научных парадигм интеграционного образования особо привлекательной и загадочной оказалась лингвистическая синергетика. Ее важнейшей задачей является междисциплинарное моделирование динамической картины мира – предмета философии, психологии, культурологии и лингвистики. Главными идееносителями разрабатываемой теории выступают понятия «модель мира», «образ мира», «языковая картина мира» и «языковое сознание».

Понятие «картина мира», впервые используемое Л. Витгенштейном в философских трактатах, в лингвосомиотику перенес Лео Вайсгербер. И с того времени это понятие стало предметом спора и в философии, и в лингвистике. К сожалению, не обретя строго терминологического значения, словосочетание *картина мира* нередко употребляется в качестве научной метафоры с размытым и завуалированным содержанием. И, тем не менее, оно не теряет своей привлекательности, прежде всего для исследователей так называемого человеческого фактора в языке. Для получения статуса истинно терминологического значения в его содержании необходимо отразить, по крайней мере, три синергетически связанных момента: а) когнитивную составляющую понятия «картина мира», б) ее интерпретационный потенциал и в) семиотическую природу.

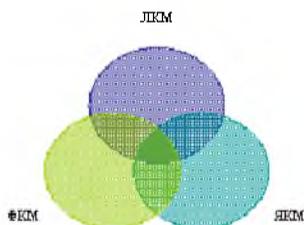
Когнитивная сущность данного понятия заключается в том, что оно является обобщенным (итоговым) результатом отражения физической картины мира (ФКМ) в коллективном сознании того или иного сообщества. При этом отражение действительности представляет собой не зеркальное отображение, а результат двуединого процесса – логического и чувственного познания, что и определяет его творческий, преобразующий и интерпретирующий характер, представленный в картине мира того или иного социума (КМ).

Преобладание первого или второго аспекта познания обуславливает семиотическую природу средств репрезентации понятия «картина мира». Здесь следует исходить из того, что это нерасчлененный «логико-словесный конструкт» (Г.А. Брутян). И, тем не менее, в исследовательских целях такой нерасчлененный конструкт целесообразно представить в виде двух относительно самостоятельных картин – логической (ЛКМ) и языковой (ЯКМ). В основе ЯКМ лежит достаточно спорная категория – языковое сознание. Так, М.В. Никитин, например, пишет, «что не удастся найти разумных оснований, которые бы оправдывали существование таких ментальных структур как «язы-



ковой концепт», «языковое значение» и <...> «языковое сознание» в собственном смысле этих слов» [1, с. 276]. Так ли это? Попытаемся найти «разумные основания» их сосуществования. Особенно это важно для когнитивно-дискурсивного исследования. С одной стороны, оно позволяет осмыслить истинную роль языка в структурировании единой КМ, а с другой – выявить смыслогенерирующую функцию мыслительных операций в процессе формирования семантики типологически разных языковых знаков (слов, фразеологизмов, паремий и т.п.), т.е. знаков прямой и непрямой (вторичной и косвенно-производной номинации).

Синергетика ФКМ, ЛКМ и ЯМ порождается сложными и неоднозначными отношениями. Поскольку они выделяются условно в едином логико-лингвальном конструкте, их расхождение одновременно и минимально, и значимо. Изображение их в виде трех эйлеровских кругов и наложение друг на друга показывает, что отдельными своими частями они совпадают. Особенно это очевидно при наложении на ЛКМ нескольких ЯКМ: ЛКМ оказывается общей для всех сопоставляемых ЯКМ. И все же за пределами этих совпадений существуют весьма существенные по своей национально-культурной специфике зоны, что имеет исключительно важное значение для понимания природы языковой семантики в целом и косвенно-производной семантики в частности. Специфика ЯКМ обуславливается порождающими ее знаками косвенно-производной номинации (ЗКН).



С точки зрения когнитивной лингвистики важно выяснить характер информации, представляющей в языковой семантике соответствующие элементы ЛКМ и ЯКМ. Иногда утверждают, что ЛКМ продуцирует логическую семантику, а ЯКМ – языковую. На наш взгляд, генератором и носителем как логической (универсальной), так и идиоэтнической информации является язык, точнее языковая семантика. При этом следует помнить, что соотношение в семантической структуре универсального и идиоэтнического обуславливается характером когнитивной категории, лежащей в основе семантики языкового знака, что в свою очередь определяет тип языкового знака.

Логико-предметное содержание элементов ЯКМ соотносится с *понятиями*, а экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание ЯКМ генетически связано с *представлениями*. Первые вербализованы терминами, терминосочетаниями и прямономинативной лексикой, а вторые – знаками вторичной и косвенно-производной номинации (метафорами, фразеологизмами,



паремиями). Первые – суть объективно формируемого сознания, вторые представляют собой элементы субъективно сложившегося обыденного сознания, отфильтрованные в идиотническом десигнате соответствующего языкового знака.

Особую культурологическую значимость имеют те языковые знаки, в основе которых лежат когнитивные категории, совмещающие в себе универсальные и идиотнические обобщения действительности, реальные и ментальные (возможные) миры. Знания о реальном мире образуют такие разновидности ЛКМ, как физическая, натуралистическая, геополитическая картины мира и др. Знания об идиотнических, по своей сути ментальных, мирах образуют ЯКМ – своеобразную сферу существования культуры. Формой существования культуры служат особые ментальные образования – **к о н ц е п т ы** [2, с. 40], которые формируются в результате своеобразного членения ЯКМ на некие микромиры, соответствующие всем возможным ситуациям, известным человеку и поэтому называемым «возможными мирами». Им соответствует семасиологическое понятие «семантика возможных миров», где основной единицей выступает **слово-концепт** – имя того или иного семантического поля и тот речемыслительный эпицентр, вокруг которого порождается дискурс – деривационная база ЗКН.

Дискурс – сложное когнитивно-коммуникативное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, события, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации [3, с. 10]. Таким образом, концептообразовательные возможности дискурса обуславливаются самой его природой: образование дискурса обычно концентрируется вокруг некоторого общего понятия, в результате чего создается определенный смысловой контекст, включающий в себя информацию о субъекте/ах речемысления, объектах, обстоятельствах и о пространственно-временных координатах. Исходной структурой дискурса служат последовательно выстроенные элементарные пропозиции, связанные между собой логическими отношениями конъюнкции (объединения с помощью логического союза «и»), дизъюнкции (объединения с помощью логического союза «или») и т. п. Элементы дискурса: события, их участники, перформативная информация и не-события (обстоятельства, сопровождающие события, фоновая информация, оценка события, информация, соотносящая дискурс с событием) [4, 1983]. За дискурсом, следовательно, стоит особый мир. Более того, по Ю.С. Степанову, дискурс – это один из «возможных миров» многосложной структуры.

С точки зрения структуры дискурса, как справедливо полагает И.П. Сусов, – двустороннее образование, имеющее план выражения и план содержания. План **в ы р а ж е н и я** дискурса – связанная последовательность языковых единиц, созданная в определенное время в определенном месте с определенной целью. Дискурсивным этносознанием в означаемом дискурса выделяются ключевые слова-концепты, вобравшие в себя смысловую и экс-



прессивно-оценочную энергетику всего коммуникативного события. Именно эти слова-концепты становятся, как правило, смысловым центром образования ЗКН. Значения же самих ЗКН заключают в себе свернутые модели дискурсивной деятельности. План с о д е р ж а н и я дискурса образуют его семантика и прагматика. Семантическая структура дискурса представляет собой триединство следующих аспектов: а) реляционного, отражающего строение факта в виде признаков отношений между предметами; б) референциального, соотносящего аргументы пропозиции с предметами; в) предикационного, фиксирующего приписываемые семантическому субъекту признаки. В результате сложнейших лингвокогнитивных преобразований дискурса (редукции и перестройки плана выражения, с одной стороны, и образной конденсации плана содержания в процессе образования новых метафорических концептов, с другой стороны) лингвокреативное мышление способно порождать знаки не только номинативно-производной, но и косвенно-производной номинации (метафорические сравнения, метафорические и метонимические сочетания, фразеологизмы). Возникнув в определенном дискурсивном пространстве, они характеризуются единой логико-культурно-языковой синергетикой, что выражается в асимметрическом дуализме формы и содержания, когда **смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означающего**. Асимметрический дуализм знаков косвенной номинации обуславливается самой их генетической природой: они порождаются потребностью речемышления в образно-прагматических средствах – в вербализации чувств, эмоциональных оценок, способов эмоционального воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов и явлений. Когнитивная сущность дискурсивного знакообразования впервые была определена М. Лацарусом и А.А. Потебней как «с г у щ е н и е мысли», когда появление на основе дискурсивного мышления новой внутренней формы и сама апперцепция в формирующемся ЗКН «сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением...» [5, с. 194]. При этом происходит ослабление или даже забвение внутренних форм слов их дискурсивного переосмысления. В результате таких дискурсивно-когнитивных преобразований развивается несоответствие означаемого означающему дискурсивно обусловленного сочетания. В соответствии с концепцией структурной асимметрии языкового знака Ш. Балли [6, с. 158–209], при возникновении знака косвенно-производной номинации нарушение взаимно однозначных отношений между означаемым и означающим дискурса приводит к их асимметрии. Причем дискурсивное знакообразование осуществляется в процессе возникновения совмещенной асимметрии парадигматического и синтагматического характера [6, с. 137].

Синтагматическая асимметрия проявляется в том, что целостная мыслительная структура (концепт, гештальт, фрейм) представляется в ЗКН, как правило, расчленено, в виде многокомпонентного означающего. Ср.: *тише воды, ниже травы* – ‘робкий (стеснительный, скромный, незаметный)’; *од-*



ним миром мазаны – ‘одинаковы’. Парадигматическая синтагматика ЗКН приводит к несоответствию ее смыслового содержания означаемому (в его прямо-номинативном восприятии). Например: *открывать Америку* – ‘говорить, сообщать то, что всем давно известно’ (насмешливо, пренебрежительно); *рубить сплеча* – ‘поступать необдуманно, сторяча’; ‘говорить резко, грубо’.

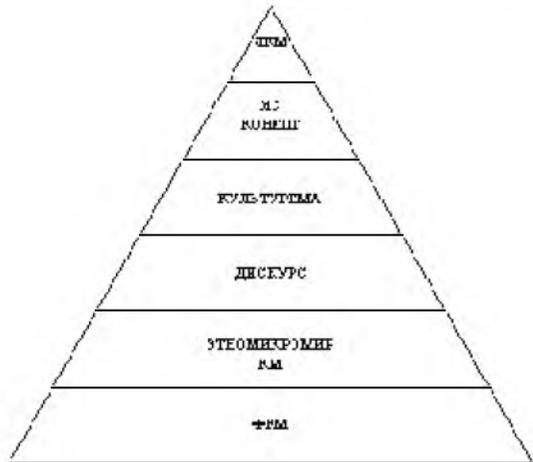
ЗКН мы рассматриваем как культуемы особого рода. Их отличительная черта состоит в парадоксальном, на первый взгляд, устройстве, сущность которого можно раскрыть при помощи популярного ныне рекламного выражения «два в одном». Обозначающим культуемы является языковой знак в его билатеральном (двустороннем) единстве, а обозначаемым – именуемая реальность – номинируемый фрагмент действительности, предмет или ситуация. Под обозначаемым культуемы понимается все то, что относится к культуре: артефакты (лат. *arte* ‘искусственно’ + *factus* ‘сделанный’), то есть искусственно изготовленные предметы, функции, обычаи, речеведенческие тактики и этно-культурно-прагматические ситуации. Асимметрия культуем обнаруживается при их сопоставлении в разных лингвокультурах, когда синтагматические и парадигматические несоответствия проявляются между ЗКН и обозначаемыми реалиями. Особенно важно (хотя и крайне сложно!) выявить структурную асимметрию культуем в близкородственных лингвокультурах. Ср.: рус. *мелкая сошка* – ‘незначительный человек, с которым никто не считается’; ‘никудышный человек’; блр. *абсерак у полі* – ‘ничего не стоящий человек, хуже других, заслуживающий презрения’; укр. *не вартій [ламаного] гроша [шага, шеляга, фунта клочья]* – ‘никчемный, хуже всех’. В иной коммуникативно-прагматической ситуации, когда требуется выразить иронически-презрительное отношение к человеку, который сам о себе много мнит, переоценивает свое общественное положение, в русской лингвокультуре используется идиома *шишка на ровном месте*, а в украинской – *чи ї не пуп землі* или *не велике цабе (чи ї не цабе)*, где *цабе* – погонный окрик для быков, запряженных в телегу. Как видим, ЗКН обладают языковыми, когнитивными и культурными признаками. Они сохраняют (в явном или скрытом виде) синергетику генетического родства с дискурсом (событийным текстом, ситуацией), ее породившим. Их когнитивную сущность предопределяют: (а) способность кодировать и сохранять знания; (б) герменевтическая функция трансформировать, интерпретировать и обогащать исходную информацию; (в) концептуализация и категоризация вербализованного мира.

Культурный компонент ЗКН создается их семиотичностью, символичностью и связью с этнокультурным сознанием народа. Культурно-прагматическое содержание дискурса включает в себя достаточно широкий смысловой спектр: интенциональный, ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, импликационный, экспрессивно-оценочный, субкодовый (функционально-стилистический), модальный и коммуникативно-информационный (фокальный) компоненты [8, с. 9], которые, собственно, и



определяют коммуникативно-прагматические свойства ЗКН и, соответственно, своеобразие языкового сознания и ЯКМ.

Таким образом, в процессе лингвистического моделирования КМ выстраивается следующая синергетическая пирамида когнитивно-дискурсивного характера: **ФКМ — ТИПОВАЯ СИТУАЦИЯ (ЭТНОМИКРОМИР) — КМ — ДИСКУРС — КУЛЬТУРЕМА — КОНЦЕПТ — ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ (ЯС) — ЯКМ.**



ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Алефиренко Н.Ф. Язык – познание – культура. // Волгоград, 2006.
4. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. № 4. С. 202–205.
5. Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык. М., 1999.
6. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Прогресс, 1961.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Азбуковник, 2000. С. 36–44.
8. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 3–14.

Н.Б. Глотова

*Бийский технологический институт
г. Бийск, Россия*

**НАУЧНАЯ И СТИХИЙНО-НАРОДНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ – ДВЕ СТРАТЕГИИ
РЕФЛЕКСИЙ НАД СЛОВОМ**

Накопление навыков семантизации, начиная с древности и кончая новейшим состоянием, шло постепенно, проявляясь в виде формирования двух разнонаправленных традиций: логико-рационалистической, связанной с тенденцией к «онаучиванию», интеллектуализации навыка семантизации, трансформирующейся в теорию и практику составления словарей (систему принципов и способов лексикографической семантизации), и житейской, обыденной традиции, связанной с народной, или «стихийной лексикографи-